

УСПЕТЬ ДО ДНЯ ПОБЕДЫ

1

– Алё! Мариша, алё! Да алё же! – Чумазый боец остервенело стучал заскорузлым пальцем по экрану смартфона. – Вот, зараза, а? Тормози-то как! – злился он не на Маришу, а на плохую связь.

Боец вертелся вокруг себя, будто пеленгаторная антенна, метался туда-сюда в тесном пространстве окопа, расталкивая локтями своих товарищей, вздымал руку с телефоном выше к небу, рискуя, что ее запросто мог отстрелить укроповский снайпер.

Но единственная палочка в правом верхнем углу телефона, размерами больше похожая на точку, никак не желала расти, а то и исчезала вовсе.

– О, Мариш, ну, слава богу, сюда слушай! – связь, наконец, поймалась. – Батарейки пока не надо, свечей тоже хватит пока – Витальич привез. Подгоните жгутов и марлевых повязок, бинтов там, антисептиков и обезболов каких-нибудь. Что? Да никого не ранило. Тихо тут. Честно говорю, Мариша! В общем, за мерёжи спасибо бабушкам передай от пацанов. За сети, ага... Блин, да отвяньте, придурки, дайте нормально побазарить!

Боец, прикрывая телефон ладонью, сердито отмахивался от обступивших его земляков, что норовили, словно котята к миске, дотянуться губами до трубки, чтобы успеть прокричать что-то для себя важное, пока связь еще работала, пока эта единственная нить, что связывала их с родным домом, не оборвалась.

– Мамке привет передай, Маришка! – Я – живой! Алёнке шепни, что после майских в отпуск еду! – Ачим нашелся, скажите там, чтоб не беспокоились – на БЗ¹ был...

Боец уже оглох от шумных подсказок, он вяло уворачивался от цепких пальцев товарищей, стряхивал их руки с плеч, спешил договорить.

– Из хавчика только консервы, Мариш, ну и печеньки там... И это, слушай, носки закончились и труселя тоже. В смысле, я их ем?! Что значит, не наберешься?! Думаешь, у меня тут «стиралка» есть? Кончай тупить, Мариша! Поносил – выбросил! Ну-ну, шутит она... Ладно, всё – харэ, а то «укропы» засекут. А, стоп, погодь, Мариш, тут еще Крюк «трубу» рвёт, – вдруг вспомнил боец и протянул телефон пожилому солдату, что скромно стоял чуть поодаль и никакую «трубу» вырывать вовсе не собирался. –

¹ БЗ – боевое задание.

Полминуты тебе, брат! – буркнул он, тревожно оглядывая небосвод и сторожко прислушиваясь, не свистит ли очередной прилётник.

– Марина, здравствуй! Шпатели, кисти, краску водостойкую, лучше фасадную, цемент высшей марки. Пока всё. Нет-нет, спасибо, больше ничего. Ну, разве что грунтовочку еще, если можно. Было бы здорово, если ко Дню Победы успеете, – Крюк послушно отключился ровно через тридцать секунд, изрядно озадачив далёкую Марину своей необычной просьбой.

В осеннюю мобилизацию Юрий ждал повестку скорее по привычке чувствовать себя нужным и полноценным мужчиной. Планку предельного возраста он давно перескочил, но порошу в пороховницах было еще хоть куда. С тоской и завистью глядел Юрий на то, как берут молодых и среднелетних, прочно привыкших к комфорту, к «паджеру» в кредит, избалованных доставками пиццы, маркетплейсами и барбер-шопами, обремененных ипотеками и взносами на шторы и выпускные балы. С мясом отрывают от семьи, детей и только начатой раскрутки тем и дел, чтобы безжалостно окунуть в суровый быт неудобных берцов, невкусного «сухпая», небритых щек и нестиранных носков. В среду, где люди общаются на непонятном языке, где быстро забываются простые мирные слова или же меняют свое мирное значение: «прилёт», «открытка», «лепесток», «птичка», «ленточка». В нелепый и страшный оксюморон² мира войны, который еще недавно казался им почти потусторонним.

Сам Юрий все, что требовалось, посадил, построил и вырастил. Он был еще крепок телом, умел довольствоваться малым, не утратил инстинкты и полезные на войне навыки. Кому, как ни ему, быть там, но почему-то никто всерьез не видел в нем рекрута.

Под плач жён и традиционные «береги себя» и «не лезь на рожон» шли воевать его родичи, друзья и коллеги. Многие возвращались – уже чуточку другими, с новыми морщинами и свежими отметинами на теле, с легким налетом снисходительного превосходства, всепонимающей грустинкой в глазах и опытом, который прежде и врагу не желали испытать. И снова уходили. А некоторые возвратились навсегда – калеками или «двухсотыми». Под плач жён...

Когда провожали на фронт его пятидесятипятiletнего свояка, чтобы смягчить тягости расставания, отовсюду сыпались прибауточки по поводу возраста: про коня и борозду, воробья и мякину, молодящихся старперов и

² Оксюморон – образное сочетание противоречащих друг другу понятий. «Мир войны» или, например, «живой труп», «правдивая ложь», «бесконечный тупик».

седину в бороду. А Юрия провожали уже без шуток, потому что он был еще на целых пять лет старше свояка, и смеяться тут нечему.

Молодой ротный, оглядев зашедшего доложить Юрия, сконфуженно крикнул, помял в руках бумажку с приказом, и спросил, с наскоку не решив – «тыкать» или «выкать» этому, что в отцы ему годился, бойцу:

– Доброволец?

– Так точно!

– Афган? – кивнул он на ряды медальных планок.

– Вторая чеченская...

– Да ну? – удивился ротный. – И все-таки староваты вы пока в «штурманá», – для начала «выкнул» он, и пока Юрий в изумлении соображал, как можно быть пока староватым и как можно тут помолодеть, чтобы попасть в штурмовую группу, тут же перешел на привычное «ты». – Вот что! Покамест пооботрись тут, оглядись, обкашляйся. С братишками задружись, земляков отыщи. Повоюешь сперва в хозчасти. А то у нас такой свинарник в «располаге», вонища – мама не горюй. Не морщись! Тут тоже не сахар, работы непочатый край и прилеты чаще, чем на передке! Всё, не обсуждается! – твердо закончил ротный, упреждая возможные протесты.

Но Юрий не морщился, не собирался ничего обсуждать и не протестовал. Он козырнул, развернулся кругом, но ротный вдруг остановил его:

– Постой, позывным еще не обзавелся?

Юрий еще дома начал придумывать себе звучный позывной, в поезде ночь не спал – перебирал возможные варианты, но так ничего и не выбрал.

– Как же тебя окрестить? – почесал затылок ротный. – Дедом нельзя – есть уже, и Батя с Папой имеются, Старый и Седой тоже. Не рота, а дом престарелых. Пенсы одни, как в очереди к терапевту. «В бой идут одни "старики"», блин, – усмехнулся он, но за этой усмешкой скрывалось уважение к прожитым его бойцами годам, особенно здесь, на Донбассе, где год уже давно идет за три, а то и за все пять.

– Как тебя в детстве-то обзывали?

– Да вроде ничего надолго не приклеилось. Крюк.

– Крюк? Подходяще!

Юрий пожал плечами – Крюк так Крюк. Солидно, грутально...

С детства приученный ко всякой работе, Крюк не привык сидеть без дела. Для начала он прибрался на территории, поражаясь, сколько невоенного мусора валяется вокруг, будто на барахолке. Весь хлам Крюк

собрал в мешки, и они еще долго стояли шеренгой, точно ожидали, что их вот-вот погрузят в мусоровоз, словно дома перед майскими праздниками.

Крюк заштопал дырявую палатку, в которой ненастными ночами мокли бойцы, обиходил блиндажи и землянки, чтобы люди с БЗ возвращались в чистоту, тепло и какой-никакой уют. Мало-помалу починил вышедшее из строя оружие и снарягу, из битого кирпича и камней изладил полевую кухню – получилось просто «вау», не хуже, чем барбекюшница в коттедже у олигарха. Из бросового котла соорудил баню-бочку, на подобие японской фурако, и с улыбкой любовался на торчавшие из нее головы бойцов, что по-самурайски блаженно жмурились от забытого на войне удовольствия.

Многое что он еще придумал, изладил, усовершенствовал, вычистил и украсил. А уж поваром Крюк оказался непревзойденным, умудрялся из малосъедобного сырья приготовить деликатесы *comme à la guerre*³, которые вечно голодное воинство с наслаждением поглощало, обжигаясь и без ложного стеснения чавкая.

Ценится на войне отличный снайпер, на вес золота – хороший минер, рады там рукопашникам и балагурам-тёркиным, но хозяйственные мужики, у которых руки из правильного места растут, почитаются втрое. Через пару недель бойцы уже удивлялись, как вообще без Крюка тут жили и не померли от грязи и голодухи.

³ *Comme à la guerre* (фр.) – как на войне.